

ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА СЕДАКОВА*

Кризис как благо: от нетрадиционных ценностей к традиционным

SEDAKOVA, I. A.: Crisis as a blessing: from non-traditional values towards the traditional ones. *Slavica Slovaca*, 56, 2021, No 3, pp. 321–331 (Bratislava).

The paper scrutinizes several linguistic issues which are crucial for understanding the role of a crisis as a driving force for total revision of the axiological hierarchies. Pragmatics of the key terminology, verbalization of the modern valuable ideas, parallelism of the traditional and non-traditional values are in the center of the study. Development of the values ‘old age’, ‘life’, ‘health’ in Russian and Bulgarian languages serves as an illustration for the theoretic matters. Axiology, terminology, crisis, ‘old age’, ‘life’, ‘health’.

Вступление

Эта статья обобщает и продолжает работу по теме «Лингвистическая и этнокультурная динамика традиционных и нетрадиционных ценностей в славянском мире», которую мы вели в 2018–2020 годах силами российско-болгарско-словацкого коллектива.¹ Пандемия COVID-19, охватившая весь мир и значительно повлиявшая на привычные устои, разразилась как раз в конце работы по гранту; официально пандемия была объявлена ВОЗ 11 марта 2020 года. В короткое время мир изменился до неузнаваемости, и, соответственно, аксиологические акценты заметно сместились. Несколько гипотез и идей, которые мы разрабатывали в проекте, подтвердили свою правомерность и, прежде всего, главное: кризис любого рода меняет иерархию ценностей в обществе и соотношение традиционных и нетрадиционных ценностей.² Специально кризисами, войнами, катастрофами, следствием которых является смена аксиологических координат, в проекте мы не занимались, хотя с распространением вируса и началом кризиса обозначилась серьезная динамика ценностей. Наметился поворот к ценностям традиционным – жизни как таковой, старости, здоровью, человеческому общению и пр.

Это, в свою очередь, находит отражение в языке, особенно в лексике, употреблении терминов и словообразовании. За полтора года словари пополнились тысячами новых слов, дериватов и образных выражений, которые служат предметом лексикографической обработки и пристального лингвистического изучения.³

* Ирина Александровна Седакова, доктор филологических наук, зав. Отделом типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН, 119991 Россия, Москва, Ленинский пр-кт, 32 А.

¹ Результаты исследований в рамках европейского гранта ERA.net можно найти в совместных публикациях: Седакова, И. А. – Žeňuch, P. – Китанова, М. et al.: *Axiologický výskum slovanských jazykov / Axiological investigation into the Slavic languages*. Bratislava – Moskva: Veda, 2019. 224 с.; Китанова, М. – Седакова, И. – Женьух, П.: *Взгляд на славянскую аксиологию*. Москва, 2019. 266 с. Китанова, М. – Седакова, И. – Женьух, П. (сост.): *Аксиологични проблеми на славянските езици (традиции и съвременност)*. София: Издателство на БАН «Професор Марин Дринов», 2020.

² См. об этом Adamowski, J. – Wójcicka, M. (red.): *Wartości w języku i kulturze. Tradycja dla współczesności. Ciągłość i zmiana*. Tom 8. Lublin, 2015; Седакова, И. А. (отв. ред.): *Эволюция ценностей в языках и культурах*. Москва: Пробел-2000, 2011. 268 с.

³ Словарь русского языка коронавирусной эпохи. В двух томах. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2021. Т. 1. http://phraseoseminar.slovo-spb.ru/documents/slovary_russkogo_azika_koronavirusnoy_epohi.pdf?fbclid=IwAR3rd5w

Сейчас, осенью 2021 года, то, что казалось невообразимым прежде, – локдаун, остановка передвижения и социальных контактов, особое внимание к пожилым (выделение группы людей 65+), невиданные гигиенические меры, агрессивные дискуссии о вакцинах и многое другое – стало новой нормой. В свете этого мы вкратце рассмотрим, как конкретный кризис – в нашем случае планетарный, вызванный пандемией, – затрагивает ряд артикулируемых и неартикулируемых ценностей из традиционной и нетрадиционной областей аксиологии.

О трансформации терминов в современных языках

Начнем мы с анализа термина «кризис», семантика и использование которого претерпели в последние годы значительные изменения. Эти модификации укладываются в общую тенденцию «размывания», «девальвации» и «попсовизации» специальных слов и выражений.⁴ Мы изучали функционирование слов «ценность», «ценности» в ряде славянских языков и пришли к выводу, что этот термин перешел из профессионального дискурса в бытовую, часто используя в самых разных жанрах и высказываниях – от прямой речи до описания миссий крупных компаний. Слово-термин «ценности» заменило собой множество смежных лексем, обозначающих близкие по смыслу понятия, стало гиперонимом для «убеждений», «установок», «приоритетов» (в политическом, историческом дискурсе), добродетелей, законов (в религиозном дискурсе), «правил жизни» и пр. (в личном дискурсе). В любом употреблении термин «ценности» размыт, его семантический объем и прагматическая аура нечеткие; это «удобное» слово для обозначения позиции, будь то общественной, идеологической или персональной. Слово «ценности» превратилось в слово-«заместитель», оно может быть символом «чего-то важного, существенного» в личном или общественном плане.⁵ Н. С. Гусев, перефразируя историка М. А. Давыдова, пишет о семантической гиперинфляции этого термина.⁶

Сходные процессы наблюдаются во многих языках, в том числе в русском, и в области использования лексики психотерапии, что важно для исследований по аксиологии и изучения собственно кризиса – как глобального, так и личностного. Значительное число терминов словаря психологов и психотерапевтов вошли в повседневный обиход и не воспринимаются как термины; они утратили точность и четкость, стали размытыми. Такие термины, как «ресурс», «травма», «личностные границы», «выгорание», «обесценивание», «запрос» и многие другие, становятся ключевыми словами и общим местом при обсуждении проблем разного рода. Это замечают сами специалисты-психологи и психотерапевты, а также лингвисты, журналисты, социологи, священники. Безусловно, здесь важен фактор не только и не столько лингвистический, сколько сам поворот в сознании, смена дискурса, усиление эгоцентризма и внимания к собственной личности.⁷ В плане аксиологии всё

RO79CmCB1VXUSPjRE-m4pVQkwlqu9SduplHr81xNG3s03LEEYgUY T. 2. http://phraseoseminar.slovo-spb.ru/documents/russkiy_azik_koronavirusnoy_epohi_monografia.pdf?fbclid=IwAR1mAfLZ-bTjDGj3jiSpOhoHuto8QX-sA4hSBx2YwggKkcLUtVvSg1YNYUg

⁴ О современном развитии значения и употребления ряда слов в русском языке пишет И. Б. Левонтина, в частности в книгах Левонтина, И. Б.: О чем речь. Москва: АСТ, 2015; Левонтина, И. Б.: Честное слово. Москва: Corpus, 2021.

⁵ Седакова, И. А.: Традиционные и нетрадиционные ценности русских и болгар: проблемы и методы исследования. In: Взгляд на славянскую аксиологию..., с. 171.

⁶ Гусев, Н. С.: Ретроспективная динамика ценностей и методика изучения (на примере «образования» в Болгарии в конце XIX – в первой половине XX в. In: Взгляд на славянскую аксиологию..., с. 246.

⁷ Коллектив авторов, среди которых видные философы, социологи, лингвисты и журналисты, подготовил коллективную монографию "Сложные чувства. Разговорник новой реальности: от абьюза до токсичности". Под общей ред. Полины Аронсон. Москва: Individuul Popcorn Books (в печати).

это свидетельствует об изменении акцентов в иерархии ценностей. Книги на темы «Как установить личные границы», «Как проработать детские травмы» и пр. издаются сотнями и оказываются бестселлерами во многих странах, в том числе и в славянских.

Позволим себе сослаться на недавнюю дискуссию под постом в Facebook о популярности обсуждения травмы и об уместности ее широкого понимания в современном дискурсе, опубликованным журналистом Максимом Кашулинским в Facebook: «Хочется написать лонгрид про копание в прошлом. „Работа с травмами“ вот это всё. Почему это получило такую популярность? Ваше мнение». Из обилия противоположных комментариев можно отметить важное для наших аксиологических изысканий мнение, что «работа с травмами» – «способ говорить о себе», то есть через термин «травма» и его обсуждение ценностный фокус смещается на столь популярное сейчас «Я», на личностное. Многие верят в подобные способы изживания трагического прошлого: «Потому что это работает» – и в возможность избегания новых ошибок: «Травматический опыт забирает ресурсы у настоящего и будущего, поэтому иногда невозможно двигаться вперед, пока „травма не прокричится“ и не будет переосмыслена», «Потому что из-за травм люди раз за разом принимают плохие решения». Ряд комментариев свидетельствует как раз о том, что термины «травма», «травматический опыт» вышли из профессиональной сферы, применяются в повседневном дискурсе, свидетельствуя о низком уровне понимания проблемы и снижении значимости собственно терминов. Ср.: «...это самое простое решение. Вместо того, чтобы разобрать детально, в чем ты косячишь, весьма удобно спихнуть всё на ужасное травматичное прошлое (или выдумать его)», а также: «насчет уместности широкого понимания травмы в психологии лучше спрашивать у психологов. В методе studies с этим есть большие проблемы, так как такое (некритическое и универсализирующее) словоупотребление сразу задает очень определенный фрейм, часто совершенно неадекватный, делая всех участников разговора помимо их воли и согласия „жертвами“ и „травмированными“. „Трудное/трагическое“ прошлое не значит автоматически „травма“. То есть тут это скорее „не работает“».⁸

Такие дискуссии показывают, как важно слово для понимания проблемы. Кроме того, «травма» сопредельна «кризису»: многие обсуждают то, что принесла пандемия, – социальную дистанцию, ношение масок и перчаток, запреты на посещение людей (даже родных), на объятия и поцелуи, ограничения в передвижении как травму и как кризис. Безусловно, в этих терминах обсуждается смерть близких (иногда нескольких членов семьи) от COVID-19, тяжелое протекание болезни в реанимации, нахождение на ИВЛ. И всё это воздействует на иерархию системы ценностей.

«Кризис» в словарях русского и болгарского языков

Приведенные выше цитаты могут показаться отступлением от темы, но это не так: они подводят нас к проблеме кризиса, его восприятию в современном обществе, последствиям и отражению данных процессов в языке. Следуя методике аксиологических исследований Люблинской этнолингвистической школы, мы начнем со словарных дефиниций, чтобы показать, как меняется содержание и словосочетаемость термина.⁹ Здесь, правда, возникает еще одна проблема, которую часто обсуждают сейчас как в лингви-

⁸ <https://www.facebook.com/kashulinsky>. Пост от 5.10.2021.

⁹ См.: *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*. Tom 1–5. Lublin, 2015–2019 (T. 1 — Dom; T. 2 — Europa; T. 3 — Praca; T. 4 — Wolność; T. 5 — Honor).

стическом, так и во внелингвистическом сообществе. Вопрос «Насколько соответствует словарная дефиниция значению, реализуемому в языке?» задается всё чаще и чаще: недавно он был поставлен норвежским болгаристом применительно к глагольным лексемам,¹⁰ звучал он и в лекции финского русиста Арто Мустайоки.¹¹ В разного рода дискуссиях, на вебинарах слово «кризис» подвергается этимологическому анализу, отыскиваются синонимы в русском языке и соответствия в других языках. Нередко указывают, что в китайском языке «кризис» соотносится с «развитием» (подробнее см. ниже), при том что в славянских языках в целом (и в русском и болгарском в частности) «кризис», скорее, сближается с «катастрофой».

Концепт «кризис» и соответствующая лексика изучались в русской и болгарской лингвистике, однако известные мне работы относятся к доковидной эпохе,¹² и это очень важно для актуальных исследований. Слово «кризис» имеет значительный потенциал для разного рода словосочетаний: *кризис среднего возраста*, *кризис идей (кризис веры)*, *политический*, *экономический*, *военный кризис*. При этом, как отмечалось выше, в связи с возросшей частотой употребления «кризиса», увеличивается и его сочетаемость, меняются контексты, становясь более конкретными и приближаясь к семантике «проблемы».¹³ Сочетания с прилагательным «кризисный» также отсылают в сферу проблем жизненного плана, то есть для людей, лишившихся жилья или подвергающихся насилию в семье: рус. «кризисный шелтер для женщин», болг. «кризисен център».

Посмотрим дефиниции в случайных толковых словарях русского и болгарского языка разных лет, отталкиваясь от того, что эти языки, с одной стороны, близкие, славянские, прошедшие через эпоху советского новояза, но во многом и различные.

В лексикографических трудах XIX в., например в словаре В. И. Даля, «кризис» определяется следующим образом: «Перелом, переворот, решительная пора переходного состояния. Кризис или перелом болезни; кризис или переворот денежный. Врачи зовут кризисом внезапный переворот в болезни, напр. пот, рвота, кровотечение, а лизис,¹⁴ постепенное разрешение».¹⁵ В идентичном по принципам составления словаре болгарского языка Н. Герова это слово отсутствует. В советских словарях значение слова *кризис* очень идеологизировано,¹⁶ статьи Словаря Д. Н. Ушакова включают в себя постулаты эко-

¹⁰ Хетил Ро Хауге: Колко е дейктивен глаголът пристигам? In Коева, С. – Стаменов, М. (съст.): Доклади от международната годишна конференция на Института за български език „Проф. Любомир Андрейчин“ (София, 2021 година), II том. София: Издателство на БАН «Проф. Марин Дринов», с. 13-18.

¹¹ Мустайоки, А.: Почему люди не понимают друг друга. Доклад на онлайн-семинаре Центра славяно-евразийских исследований Университета Хоккайдо (Япония). 27.09.2021. <https://www.facebook.com/groups/270652340967733>.

¹² Цонева, Л.: Думата криза в медийния дискурс (българско-руски паралели). Медиалингвистика XXI век. Велико Търново: ИВИС, 2012. 216 с.; Ворошилова, М.: Кризис – ключевое слово текущего периода: история изучения. In: Политическая лингвистика, 2012, № 3(41), с. 200-203; Башкова, И.: Слово «кризис» в русской речевой культуре. In: Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Science, Supplement, 2009, с. 19-29; Шмелева, Т.: Кризис как ключевое слово текущего момента. In: Политическая лингвистика, 2009, № 2 (28), с. 63-67; Прокофьева, Т.: Концепт «кризис» в современном политическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01. Санкт-Петербург, 2006.

¹³ Ср. новостной заголовок: "Фонд помощи больным с первичным иммунодефицитом заявил о "кризисе" с получением лекарств", где "кризис" служит эвфемизмом "проблемы".

¹⁴ Слово *лизис* осталось в узком профессиональном употреблении.

¹⁵ Даль, В. И.: Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 3. Т. 1-4. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1978–1980.

¹⁶ Это отмечается и в статье Слатин, А.: Значение концепта «кризис» в российском политическом и экономическом дискурсах. In: Современные научные исследования и инновации, 2016, № 6. <http://web.snauka.ru/issues/2016/06/68072>.

номических и политических теорий: «Периодически наступающее в капиталистической экономике явление перепроизводства товаров, ведущее к разорению мелких производителей, к сокращению производства и к усилению безработицы (экон.). Кризисы являются следствием противоречия между ростом производственных возможностей капитализма и ограниченностью спроса со стороны трудящихся. Общий кризис капитализма (наступивший со времени мировой войны и Октябрьской революции и выражающийся в том, что противоречие между СССР – страной строящегося социализма – и загнивающей капиталистической системой, обострение классовой борьбы пролетариата против буржуазии, усиление борьбы колоний и зависимых стран против империализма и резкое обострение всех противоречий капитализма расшатывают коренные устои капитализма)».¹⁷ При этом Словарь дает очень четкие дефиниции слова, начиная с первой: «Резкое изменение, крутой перелом», которое будет впоследствии перемещаться из словаря в словарь. Значение, следующее под номером 5: «Затруднительное положение, безденежье (разг. шутол.)». У меня сейчас кризис: ни копейки в кармане» с соответствующей пометой, в современных словарях подобным образом не маркируется. Очевидно, что *кризис* постепенно расширил сферу применения и стал употребляться без шуточных коннотаций и, как отмечалось, в более конкретных контекстах.

Болгарский толковый трехтомный словарь социалистического времени дает четыре значения слова «Криза», из них первое нейтральное: «Рязка промяна, разстройство в обикновено състояние на нещо. *Душевна криза*». Медицинское значение мы опускаем (в некоторых словарях русского языка оно даже не дается отдельным пунктом), но «экономическое» отметим особо, так как дефиниция и пример идеологизированы и делят мир на социалистический и капиталистический: «В капиталистическия строй – икономическо сътресение предизвикано от периодическо свърхпроизводство на стоки, което разстройва стопанския живот и и причинява безработица». Последнее значение дается с пометой «разговорное»: «Остра нужда от нещо, недостиг».¹⁸

Словари постперестроечной эпохи снимают идеологизированную маркированность термина. Кроме того, отмечается разговорное значение слова, относящееся к широкому определению непростой ситуации, в том числе личной; см., например в русском одностомном словаре: 1. «Резкий, крутой перелом в чем-н. *Кризис болезни. Духовный кризис. Правительственный кризис* (вызванный острыми политическими разногласиями, частичная или полная отставка правительства)». 2. «Обусловленное противоречиями в развитии общества расстройство экономической жизни. *Экономический кризис. Финансовый кризис. Кризис перепроизводства*». 3. «Затруднительное, тяжелое положение» (разг.). *С деньгами у него кризис*.¹⁹

Болгарский многотомный толковый словарь, в отличие от русских, на первые два места ставит медицинские значения. Третьим дается значение, относящееся к области личного: «Решителен, важен момент в развитието или живота на човек, свързан обикн. със силни преживявания, промени и под.», и лишь затем – к области общественной: «Дълбоко разстройство, сътресение в обществения, политическия и стопанския живот на обществото поради икономически причини, придружено с влошаване на положението на всички

¹⁷ Здесь и далее цитаты даются с сайта: Ушаков, Д. Н.: Толковый словарь русского языка. Москва, Советская энциклопедия, 1935–1940. <<https://ushakovdictionary.ru/>> (30.09.2021).

¹⁸ Речник на съвременния български книжовен език. Т. I–III. София, Издателство на БАН, т. 1, с. 657.

¹⁹ Шведова, Н. Ю. (отв. ред.): Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. Москва: Азбуковник, 2007, с. 380.

трудещи се». Далее приводится значение с пометой «расширительное»: «Рязка промяна, обикн. към по-лошо, в състоянието, развитието на нещо, която има решителни, важни последици». И, наконец, последним упоминается семантика недостатка, нехватки: «Належаща, остра нужда от нещо, което обикновено е в малко количество, не достига или не се намира». Примечательны здесь расхождения с русским узусом – некоторые медицинские значения (болгарскому «криза» ‘инсульт’, ‘удар’ в русском соответствует «криз»), а также «антропологический» поворот, вынесение человеческой сферы, личных ощущений на передний план. Последнее соответствует современной иерархии ценностей, предполагающей большее внимание к индивидууму, к внутреннему миру, к эго.

Кризис – катастрофа или предвестник добра?

Исходя из лексики и ее дефиниций, кризис – это катастрофическая ситуация, причем она воспринимается здесь и сейчас, в ней не заложено аллюзий к будущему. Не так видятся кризисы разного рода аналитиками и людьми, переживающими тяжелые ситуации. Кризис рассматривается как переход, в соответствии с постулатами позитивного мышления (positive thinking) в рамках модных в последние десятилетия теорий и практик мотивационного развития личности. При анализе кризиса как толчка к развитию в экономике, предпринимательстве нередко ссылаются на китайский иероглиф для этого понятия, сочетающий в себе два: «опасность» и «(благоприятная) возможность». Такое толкование стало популярным, вирусным и вошло в многие дискурсы – религиозные, предпринимательские, психологические и пр. Однако, как показывают китайцы, второй компонент иероглифа вовсе не означает «возможности»: это полисемичный знак, который следует интерпретировать очень по-разному.²⁰ Тем не менее расхожая идея мигрирует из текста в текст, из высказывания в высказывание и приписывается китайской языковой картине мира.

Но можно ли говорить о том, что такой оптимистический взгляд – это совсем новое, не известное традиционному славянскому мировоззрению? Попробуем перевести лексику «кризиса» не с китайского на русский, а с книжного языка на язык народный и перейти в сферу традиционного знания и традиционных ценностей.

Здесь для нас важны синонимические ряды слова «кризис», особенно с общеславянскими корнями, не заимствования. Большая их часть несет негативную оценку, ср. рус.: *затруднение, опасность, спад, развал, распад, упадок, депрессия; криз, расстройство, коллапс, перебои, нехватка, недостаток, дефицит, недохватка, недостача, минус, завал, голод, напряженка, переломный момент*. Другая, значительно меньшая часть ассоциируется с изменением, оценка которого амбивалентна, поскольку она непредсказуема: *поворот, перевал, переломный период, перелом, переворот*. В болгарском языке синонимический ряд ограничивается исключительно негативно окрашенными синонимами: *рецессия, расстройство; стагнация, застой, затежнатост, затишие, безисходност, безисходица; усложнение, затруднение, мъчотия, стеснение, трудност; липса, немане, недостиг; недоимък*.²¹

Антонимический ряд подтверждает негативное восприятие кризиса – он содержит исключительно позитивно окрашенную лексику, ср. рус.: *развитие, расцвет, подъём, воз-*

²⁰ <https://studychinese.ru/articles/4/186/> (19.08.2021).

²¹ Синонимен речник онлайн. <https://slovoed.com/search/synonymous/%D0%BA%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%B0> (20.09.2021).

рождение,²² не оставляя места для отношения к кризису как к ситуации с неопределенными последствиями, как позитивными, так и негативными.

Таким образом, можно считать, что коррелятами для «кризиса» в народном понимании будут «зло», «несчастье», «беда», «неудача», «черная полоса» и пр. В семиотических оппозициях («хороший – плохой», «добрый – злой», «счастливый – несчастливый», «белый – черный» и др.) это будут негативно окрашенные члены. Если посмотреть на народную афористику, мы увидим, что зачастую она восстанавливает бинарность оппозиций, оповещая о возможности или даже обязательности благополучного разрешения проблем. Доказательством этому служит целый ряд пословиц, ср. болг. «Всяко зло за добро»; рус. «Всё, что ни делается, к лучшему», «Нет худа без добра», «Худое видели, хорошее увидим»;²³ серб. «Срећа у несрећи» и мн. др. Позитивное не всегда передается абстрактной лексикой, иногда встречается и конкретная лексика. Так, очевидно, языковой универсалией является применение метеорологического кода: «Где гроза, тут и ведро» («Отколе гроза, отколе и ведро»),²⁴ ср. англ. «After the rain comes the nice weather». Ср. также оптимистические фразы: «Перед рассветом самая темнота».²⁵

Значит, в кризисе (несчастье, черной полосе и пр.) можно видеть благо? На этот вопрос многие отвечают положительно. В конце XX в. владыка Антоний, митрополит Сурожский, писал: «Мир постоянно проходит через взлеты и падения, через кризисы, через темные периоды и светлые периоды. И люди большей частью чувствуют, что когда положение скатилось в хаос – должно быть, это всё, конец. Так вот, опыт показывает или должен бы показывать нам, что всякий раз происходит какой-то подъем».²⁶ В наши дни, во время пандемии, эти слова переосмысляются и многократно цитируются, чтобы люди не отчаивались и «увидели свет в конце туннеля». Так, на недавней VIII конференции (17–19.09.2021, Москва), посвященной наследию митрополита Антония Сурожского, «Кризис: суд или открывающиеся возможности»²⁷ подробно анализировались различные общечеловеческие ценности в их точке кризиса. Кризис рассматривался, с одной стороны, очень широко, в русле «кризиса веры» (протоиерей Кирилл Каледа: «Бог под вопросом. Кризис веры») в эпоху пандемии, когда церковные службы, литургии, причастие и общинная жизнь были запрещены. Службы перешли в зум, и многие священники (иеромонах Иоанн Гуайта,²⁸ протоиерей Алексей Уминский и др.), журналисты (К. М. Мацан: «„Ты еси“. Кризис молитвы или... шанс?») и психологи (Б. С. Братусь: «Кризис как форма жизни или похвала пандемии») отмечали, что отсутствие церковной жизни нельзя рассматривать как негативный опыт, для многих оно стало толчком к духовному росту. Как говорилось выше, «кризис» обсуждался как в терминологическом аспекте, так и в повседневном. Например, в программу конфе-

²² К сожалению, словари антонимов болгарского языка для меня остались недоступными.

²³ Даль, В. И.: Пословицы русского народа. Москва: Художественная литература, 1984, с. 37.

²⁴ Даль, В. И.: Пословицы русского народа..., с. 38.

²⁵ Безусловно, народному мировоззрению свойственны и фаталистические идеи, не увязывающиеся с оптимистическим взглядом на выход из тяжелого положения. Такой подход вписывается в сложную архаическую картину мира, где сочетаются вера в Бога, в судьбу и надежда на помощь магических практик, продуцирующих и превентивных ритуалов и др. Мы показываем это на болгарском примере «текста рождения человека» в нашей книге Седакова, И. А.: Балканские мотивы в языке и культуре болгар: Родинный текст. Москва: Индрик, 2007.

²⁶ <https://www.pravmir.ru/v-mire-haosa-smerti-stradaniya-zla-nepolnotyi/> (22.09.2021).

²⁷ Программу конференции см.: <https://www.facebook.com/mitrasfund>. 16.09.2021. Видеозапись см.: <https://www.youtube.com/watch?v=j9m9fJPGWu4>.

²⁸ Размышления об этом см. в книге Иеромонах Иоанн (Гуайта): Монах на карантине: 40 дней паломничества с короной. Москва: Практика, 2021, которую отец Иоанн написал, переболев ковидом и находясь на карантине.

ренции был включен круглый стол «У нас была семья, а теперь ремонт. Кризисы в браке», где множественное число сближает кризис с такими понятиями, как «проблемы», «сложности» и пр. И здесь участники обсуждения задавались вопросом, направленным на благополучный выход из кризиса: «Как сделать так, чтобы кризисы укрепляли семью, а не разрушали ее?»

Итак, осмысление опыта пандемии подтверждает предположение, что кризис несет в себе изменения, которые не сводятся к одному негативу. Кризис способствует усилению творческих поисков, разнообразных креативных решений. Изоляция, ограничение общения, в том числе научного, привели к развитию виртуальных коммуникаций, с некоторыми преимуществами и возможностями собирать людей из самых разных уголков мира. Важное для нас, лингвистов, следствие кризиса – значительное обогащение языка, использование языковых средств для создания мемов и многочисленных анекдотов, огромного массива фольклорных текстов (см. международную группу The Belief Narrative Network на Facebook²⁹ и др.). Во многих странах специально изучались доминирующие понятия, которые коррелируют с актуальными ценностями: Язык доказал свою первостепенную ценность как основного средства коммуникации, будь то в реальном или виртуальном мире.³⁰

Кризис и динамика ценностей

Пандемия COVID-19, вызвавшая планетарный кризис, решительно изменила общество, повлияла на иерархию и структуру ценностей. Эти трансформации мы вкратце рассмотрим на примере «старости», «здоровья» и «жизни». Здесь необходимо обратиться к дихотомии «традиционные» и «нетрадиционные» ценности, что было заявлено в нашем проекте. Используя такие определения, мы под «нетрадиционными» ценностями не имеем в виду те, которые обозначены в современном официальном российском дискурсе как «навязанные, европейские» и ассоциирующиеся в основном с нетрадиционной ориентацией.³¹ В этнолингвистических работах мы изучаем то, что было важно и что ценилось в традиционном, преимущественно сельском, аграрном, обществе, и сравниваем с тем, что релевантно сейчас в урбанистическом обществе. При этом мы не противопоставляем «старые» и «новые» ценности, а видим определенный параллелизм между ними и преемственность, возможность перевода традиционных ценностей в область нетрадиционных.³² Основными различиями мы считаем следующие: традиционные ценности не постулируются и не вербализуются как ценности; сами ценности в языке традиционной культуры обозначаются в основном общеславянской лексикой, тогда как в современном языке преобладают заимствования. Кроме того, как показывает аксиологический анализ, базовые традиционные ценности и сверхценности остаются в приоритете, в нетрадиционные их превращает изменение акцентов и некоторых деталей. «Нетрадиционные» ценности более характерны для новых поколений,

²⁹ <https://www.facebook.com/groups/625573241323757> (20.03.2021).

³⁰ См., например, проект "Пандемия в трех словах". Автор: Semra Eren-Nijhar. <https://www.youtube.com/watch?v=j2jklwvKDDU>

³¹ Ср. размышления известного российского писателя Льва Рубинштейна о традиционных ценностях в его эссе «Важные ценности», https://story.ru/istorii-znamenitostej/avtorskie-kolonki/lev-rubinshteyn-vazhnye-tsennosti/?fbclid=IwAR1JtTueIqeYqWACNIU9LydZkeOdmVo_9MUYNWnRQiWaSLUjMPH_ep4A_I (30.09.2021).

³² Седакова, И. А.: Нетрадиционные ценности и их традиционные корреляты (2): *карьера, самореализация, лидерство*. In Березович, Е. Л. (отв. ред.) и др.: Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы IV Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 9–13 сентября 2019 г. Екатеринбург, 2019, с. 294–296. Sedakova, I. – Kitanova, M. – Žeňuch, P. – Gusev, N.: Traditional and non-traditional values in Russia, Bulgaria and Slovakia: Ethnolinguistic, comparative and historical dimensions. In: Yearbook of Balkan and Baltic Studies. The Ritual Year on the Move: Cultural Settings and Systems of Values, 2020, Vol. 3, pp. 109–135.

которые отрицают ценностные ориентиры старших, а также для общества в целом после коренных идеологических, религиозных и прочих изменений.

Так, многолетнее исследование концепта «старость» с точки зрения его аксиологии показывает очень заметные трансформации, особенно в кризисные пандемические годы. В предыдущих публикациях мы писали, основываясь на материалах рекламы, публикаций СМИ и пр., об эйджизме, о том, что в современном обществе старости объявлена война, с ней борются разными способами, декларируют возможности легендарного долгожительства (Ил. 1). Этнолингвистический анализ выявил амбивалентность старости – как ценности и как антиценности.³³ В последние годы ценность старости как синонима знаний и мудрости подвергается сомнению; кроме того, появились удобные источники для получения информации – вследствие быстрого развития технологий. Поисковые системы выдают ответы на вопросы за считанные секунды, глагол *погуглить* прочно вошел в словарь русского языка; ср.: «Сегодня старость перестала быть редкостной драгоценностью... Когда-то, столкнувшись с трудным вопросом, мы обращались к старикам, но сегодня обращаемся к GOOGLE, а если у нас какая-то проблема с компьютером, мы скорее попросим подростка, а не старейшину».³⁴

Однако первым ценностным знаком изменения общества стало именно внимание к пожилым, которые оказались наиболее уязвимой для вируса группой. Выделение группы людей 65+, а с недавних пор и 60+ – это возвращение к традиционной картине мира, где старость уважается и считается естественным развитием человека.

«Старость» стала артикулируемой ценностью с самого начала пандемии. Еще одной эксплицитной ценностью, связанной с представителями пожилого возраста, служит «жизнь». «Сохраните жизнь своих бабушек и дедушек» – подобные призывы звучали и звучат и в периоды локдаунов, и в кампании по вакцинированию. «Жизнь» в таких контекстах противопоставлена «смерти», она выступает как чистый концепт, лишенный всяких эпитетов. Здесь мы обнаруживаем разительное отличие от той трактовки, которая представлена в рекламных текстах: жизнь должна быть «яркой», «неповторимой», «достойной», «легкой» и пр.³⁵ Это «новое учение о жизни», постепенное пришедшее в постсоветские страны, во время кризиса, можно сказать, почти сошло на нет, уступив место социально значимым призывам сохранить жизнь, волонтерской деятельности по помощи старикам и пр.

Изолированное употребление концепта «жизнь», синонимичного существованию и противопоставленному смерти, часто составляет пару «здоровью», еще одной ценности, превратившейся в приоритетную во время пандемии. Тяжелый вирус, высокие показатели его заразности, непредсказуемый ход болезни актуализировали подчеркнутую важность здоровья как отсутствия болезни. Вопросы о самочувствии утратили свой автоматизм

³³ Кирилова, Й.: Старостта като последен етап от житейския път на човек. In: Български език, 2013, № 2, с. 75-88; Седакова, И. А.: Аксиология старости в традиционной картине мира болгар (на общеславянском фоне). In: Категория оценки и система ценностей в языке и культуре. Москва: Индрик, 2015, с. 237-259. Ср. также интересные новые изыскание, представленные в книге Рогозин, Д.: Столько не живут: чему нас могут научить столетние старики. Москва: Изд-во «Пункт», Common Place, 2021.

³⁴ Гаванде, А.: Все мы смертны. Что для нас дорого в самом конце и чем тут может помочь медицина. Москва: АСИ, 2019, с. 21. Мы не можем полностью с этим согласиться, поскольку знания старшего поколения применительно к памяти, обычаям, традициям по-прежнему востребованы, в аутентичном виде их не найти в интернете. Об этом говорят сами информанты, сожалея, что не записали со слов уже ушедших родственников мемуары об истории семьи, села и пр.

³⁵ Седакова, И. А.: Жизнь как ценность и ценности в жизни (на материале книги А. И. Солженицына «Архипелаг Гулаг»). In: Etnolingwistyka 22. Lublin, 2010, с. 29-38.

и стали выражать искреннюю заботу о собеседнике. Пожелания здоровья появились на самых разных объектах в зонах общественного доступа (Ил. 2). Типичные этикетные фразы, в которых скрывается мотив здоровья: рус. *Здравствуйте, Будь здоров*; болг. *Поздрави*, – возвращают свою внутреннюю форму. На письме выделяется корень *здрав-*: болг. *по-здрави* (что может читаться как сравнительная форма «здоровее»). Часто лексема *жизнь* и ее словообразования выступают в бинамах, по терминологии С. М. Толстой, со смежными по значению словами, относящимися к «здоровью», – например, рус. *жив-здоров*. В болгарском языке такие бинамы очень частотны. Сейчас, во время кризиса, они стали обязательными не только как пожелание по случаю радостного известия, дня рождения, именин, бракосочетания и других праздничных событий, но и при обычном прощании: *жив и здрав, живи и здрави* и др.

Возвращение к традиционным ценностям в эпоху кризиса проявляется и в том, что модное направление «здорового образа жизни» (рус. ЗОЖ, болг. *здравословният начин на живота*), новая, нетрадиционная ценность, уходит в тень, уступая место базовой ценности «здоровье».

Заключение

В наших предыдущих работах и сборниках исследований по аксиологии, опубликованных пять – десять лет назад,³⁶ содержится материал, который ярко иллюстрирует динамику ценностей, поскольку за последние годы скорость общественных и технологических изменений увеличилась – и это отразилось и на оценке понятий, явлений, и на их представленности в языках.

Еще больше материала для анализа аксиологических иерархий в обществе дает разразившийся на наших глазах кризис. Эта своего рода диахрония в синхронии, эти концентрированные и решительные изменения в течение незначительного в исторической перспективе отрезка времени подтверждают наши выводы о том, что нетрадиционные ценности во многом служат продолжением традиционных. Во время пандемии нерелевантные детали становятся второстепенными, ценность «очищается» и конкретизируется.

Любой ценностный концепт очерчивает и сопредельные понятия, составляя целый «пучок» ценностей. Особенно это относится к концепту «жизнь», который включает в себя и охватывает другие базовые аксиологические концепты, связанные с представлением о жизни как о пути, судьбе («здоровье», «счастье/удача», «семья», «любовь» и пр.), составляя комплекс представлений о благополучии. Во время пандемии наиболее важными смежными ценностями стали «старость» и «здоровье», на время оттеснившие другие представления о жизни.

Сейчас в мире появляется уже немало исследований, акцентирующих те позитивные моменты, которые принесла пандемия людям.³⁷ Безусловно, в результате кризиса базовые, традиционные ценности не будут вытеснены новыми, нетрадиционными, а будут ими дополнены.

³⁶ Седакова, И. А.: Предисловие. In Седакова, И. А. (отв. ред.): Эволюция ценностей в языках и культурах. Москва: Пробел-2000, 2011, с. 4-6.

³⁷ Упомянем международный сборник статей и размышлений экспертов в разных областях знаний: Ávila, R. – Horvat, S. (eds.): Everything Must Change! The world after COVID-19. OR-books, 2021.

Кризис как аксиологический pojem: к вопросу перехода от нетрадиционных ценностей к традиционным

Irina A. Sedakovová

Štúdia poukazuje na vybrané lingvistické aspekty, ktoré sú nevyhnutné pre pochopenie významu krízy v kontexte novovznikajúceho hodnotového systému. Zameriava sa najmä na pragmalinguistiku v kontexte výskumov kľúčových axiologických pojmov, na verbalizáciu moderných a módnych hodnotových predstáv, na paralelizmus tradičných a netradičných axiologických systémov. V štúdiu sa tiež vysvetľujú hodnotové posuny vo vnímaní „staroba“, „život“ a „zdravie“ na materiáli získaného z ruského a bulharského jazyka.

Иллюстрация 1. Тарелка для денег в аптеке. Москва, октябрь 2020. Фото автора.

Иллюстрация 2. Тележка для продуктов в магазине ВкусВилл. Москва, октябрь 2020. Фото автора.